

НИЩЕНСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (Из истории дореволюционной социологии бедности)

Голосенко Игорь Анатольевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Нищенство на Руси насчитывает многовековую и, увы, незавершившуюся историю. Но оно как-то долго не попадало в фокус научных интересов. В знаменитой многотомной "Истории Государства Российского" Н.М. Карамзина о нищих нет ни слова, как будто бы такого явления у нас вообще не было. После поражения в Крымской кампании ситуация изменилась, в печати стали открыто обсуждать различные "социальные вопросы": аграрный, рабочий, женский, национальный и т.п. Дошло и до нищенства [1, с. 71]. Причины, происхождение, формы нищенства и меры борьбы с этим социальным злом привлекают внимание Н. Костомарова, А. Забелина, А. Щапова, Н. Бочечкарова, М. Воронова, А. Левитова, М. Курбановского, И. Прыжова. Последний даже предпринял то, что в современной социологии называют "включенным наблюдением": в рублище, с сумой он уходил в среду юродивых, бродяг и побирающихся богомольцев, достигая исключительной достоверности своих наблюдений. Позднее его примеру последовал Д. Линева.

Подавляющая часть ранних работ о нищенстве носила общий историко-генетический характер. Но постепенно описание генезиса явления переключается на нынешнее состояние сельского и городского нищенства в большом количестве губерний - Московской, Ярославской, Вологодской, Калужской, Пензенской, Орловской, Моги-левской, Киевской, Минской, Самарской и Саратовской. Данные собирали не только историки, этнографы, правоведы и социологи, но и священники, литераторы, чиновники. Одновременно накапливалась обширная статистика бедности и нищеты, собираемая многочисленными губернскими и уездными попечительскими комиссиями и земской статистикой, изучавшей быт низов (В. Орлов, В. Яковенко, А. Петровский и другие). Тут обнаруживались весьма ценные эмпирические материалы, но они редко осмысливались целостно, в связи друг с другом. Да это было бы трудно сделать, ведь материал получали с разными целями (часто административными, а не научными) и не под единую гипотезу. В печати отмечали, что многие из этих данных были разного качества, начиная от вполне точных материалов полицейской статистики до несколько спекулятивных расчетов общего количества нищих (ведь далеко не все попадали в Комитет призрения) и их "доходов". Собрать сколько-нибудь удовлетворительный цифровой материал относительно нищих трудно в связи с их скрытностью и нежеланием вступать в контакты с исследователем, которого они воспринимали как "казенного" человека и откровенно боялись. И все же любые освещения этой стороны русской жизни признавались полезными: "Нищенство должно быть больше изучаемо, чем воспрещаемо!" [2, с. 206]. Накопленный материал не пропал даром, с опорой на него в 90-е годы выходят интересные публикации С. Сперанского, Д. Дриля, Д. Линева, Л. Оболенского, А. Свирского и других. На рубеже двух веков складывается уже

четко социологически ориентированное обобщение накопленных материалов, отмечаются просчеты и достижения предыдущих исследований, анализируется отечественный и зарубежный профилактический опыт. Подкрепляется это полевыми исследованиями "нищенских гнезд", опытом личных бесед и наблюдений за поведением нищих, осмыслением результатов анкетных опросов (Е. Максимов, А. Бахтиаров, А. Левинстим и другие). Рассмотрим главные итоги этой научной работы, вычлняя следующие вопросы: что такое нищенство и каковы его причины, место нищих в системе социальной стратификации, типология и классификация их деятельности, коллективная психология и субкультура нищих, формы борьбы с нищенством и условия ее эффективности. Ввиду обширности привлекаемого историко-социологического материала пришлось его разделить на две взаимосвязанные части. Несколько первых из перечисленных выше вопросов составили предмет данной статьи, а последний вопрос будет проанализирован в следующей.

Нищенство: причины и формы данного явления

Нищие занимают последние ступеньки социальной лестницы, дальше которых в социальном пространстве опускаться некуда. Каковы же стратификационные показатели этого слоя и причины его образования?

В экономическом отношении нищие в своей массе - безнадежные бедняки, обреченные на прозябание. Важно даже не только то, что их денежные доходы низкие, а то, что они нерегулярные. Впрочем, исследователи быстро установили, что следует различать нищету и попрошайничество, все нищие прибегают к попрошайничеству как единственному способу выживания, но не все попрошайки - действительно подлинно нуждающиеся, тут обнаруживалась социальная мимикрия под крайнюю степень бедности. Псевдо-бедняк определялся как "зло и в самом нищенстве", ибо благодаря его ловкости, наглости и опытности без подаяния оставался тот, "кто при всем желании не мог обойтись без него, т.к. был неспособен к труду" [3, с. 20]. Доходы этих лиц, хотя их подлинные размеры тщательно скрывались, были, по признанию многих исследователей, весьма немалые, при сравнении с бюджетами нижних прослоек лиц, имеющих работу в городе или в деревне. Эти люди занимались попрошайничеством уже не от невыносимой нужды, но и в "таких случаях оно все равно выступало в маске крайней нужды", без которой нищенство как социальное явление практически невозможно [3, с. 20; 4, с. 2]. Это очевидное условие. Однако накануне XX века статистика зафиксировала среди низов общества около двух миллионов душ обоего пола, не способных к полноценному труду, а нищих, рекрутируемых из этой категории лиц, насчитывалось немногим более 300 тысяч. Таким образом, не все подлинно нуждающиеся и беднейшие при поддержке обязательно становились нищими.

В отношении политического показателя собранные данные однозначно гласили: нищие - социальные изгои с абсолютно атрофированными политическими интересами, с инстинктивной враждой к непонятному и враждебному им устройству общества, пассивные и апатичные, в неожиданных потрясениях и беспорядках могут принять участие только как погромная сила. Их глубокое равнодушие к политическим ценностям объективно поддерживалось тем, что их собственные правовые гарантии и защита были поставлены в России, по мнению специалистов, всегда "очень слабо". Более того, с давних пор государственная власть в России практиковала в отношении нищенства только репрессивные (иногда очень жестокие) меры социального контроля.

Некоторые недоумения и споры вызвал профессиональный показатель: можно ли считать попрошайничество профессией? Часть русских администраторов и ученых отвечала на этот вопрос утвердительно, трактуя термин "профессиональное нищенство" как промысел, требующий особых навыков, квалификации и способностей [5-7]. Сами нищие остроумно аттестовали себя как "работников", но... на "рукопротяжной фабрике". Другие социологи убедительно показывали невероятную размытость термина "профессиональное нищенство". Что его характеризует? Количественно-времен-

ной критерий (как долго, эпизодически или постоянно просилось подаяние) работает плохо и не дифференцирует нищих сколько-нибудь строго. Может быть, тогда подразумевается другой критерий - источник и размер доходов, предполагающий, что для нищего-профессионала это единственный вид выживания? Но для подавляющего большинства нищих подаяние было единственным способом выживания, хотя в литературе описывались случаи симбиоза попрошайничества (сезонного, по религиозным праздникам) и работы. Тогда стали предлагать отнести к профессионалам только обманщиков, поклявшихся не унижать себя трудом. Но их поведение, деятельность и часто быт ничем не отличались от присущего другим нищим - убогим, горемыкам, не способным к производительной деятельности. Получить в ходе исследования достоверные сведения о собираемых нищими суммах было очень трудно только в редких случаях они становятся широко известными [8, с. 58-59]. Подсчеты, которые делались и приводились И. Прыжовым, А. Левинстимом, Н. Новобергским, А. Недоходовским и другими, были весьма приблизительными и явно заниженными. В социологии понятие профессии означает определенные виды ролей в общественном разделении производительной деятельности и обмена услуг. Нищие же не производители, а потребители. Термин "профессиональное нищенство" носил чисто метафорический характер. Особенность предельно нижней социальной ступени, занимаемой нищими, - отсутствие у нее профессиональных ролей. Некоторая часть нищих сочетала эпизодическую трудовую деятельность и попрошайничество, но тогда профессиональные роли не были частью поведения и деятельности нищих. Однако разделение самих видов попрошайничества имело место и зависело от времени года, суровости полицейского контроля, личного опыта и конкуренции среди нищих. Один из наиболее вдумчивых исследователей этого явления А. Бахтияров описал несколько устойчивых приемов столичных нищих, но они, конечно, имели общероссийское хождение и применялись как действительно убогими, так и прохиндеями. Каждый способ имел на жаргоне нищих свое обозначение:

1. "На паперти". Это был самый невинный и безопасный способ, т.к. обычно полиция не трогала нищих у церквей и на кладбищах. Места эти всегда занимались самыми отпетыми старыми нищими, безжалостно изгонявшими конкурентов.

2. "Стойка" - пребывание на постоянном месте в городе при скоплении людей, но вдали от полицейских глаз. Прием требовал знания человеческой психологии и наблюдательности, т.к. в зависимости от пола, возраста и внешнего вида прохожего приходилось импровизировать, прося то на ночлег, то на хлеб, то на лечение. Кроме того приходилось зорко следить за перемещением городского. В ответ столичная полиция стала переодевать своих патрульных в гражданскую одежду.

3. "Ход" - движение по городу или железнодорожным пригородным вагонам. Приближаясь к полицейскому, нищий замолкал. "Ходоки" делились на "сухих", презиравших брать не деньгами, и "савотейщиков", берущих только хлебом. В последнем случае была тонкость. Скромность просьбы - "кусочек хлеба, Христа ради" - и внешне опрятный вид просящего приносили желаемый успех. "Савотейщик" не имел облика ординарного нищего - убогого, в рубище и благоухающего давно не мытым телом. Это подкупало. Видно было, что вполне порядочный человек временно попал в затруднение и нуждается в поддержке. Хитрость заключалась в длинном пальто "савотейщика", имевшем огромные внутренние карманы, куда помещалось полтора пуда обрезков и кусочков хлеба. По мере сбора он раздувался, как пузырь, но "своя ноша плеч не тянет". На улице его трудно было заподозрить в побирушестве. А это ему и нужно. Собранную "пошлину" продавали в ночлежные столовые или хозяевам скота в пригородах.

4. "Сесть на якорь" - просить милостыню, сидя на голой земле, зимой на снегу, часто притворяясь калекой. Это требовало известного артистизма. Способ доходный, но опасный - можно было легко попасть в руки городского.

5. "Круговая" - сбор милостыни в субботу, когда нищие без разбору обходят все лавки. "Суббота — праздник нищих", говорили они сами. И если в этот день лавочники

по старорусскому обычаю не отказывали в подаении, то в другие дни нищие могли услышать: "Бог подаст! У нас по субботам подают!"

6. "Стрелять по знакомым местам" - совершать планомерный обход домов состоятельных граждан, уже известных своей благотворительностью. "Стреляли" вдвоем. Один в "спецодежде" - без рубашки, пиджак в заплатках на голое тело, рваные ботинки (обычная одежда оставалась в ночлежке). Он входит в контакт с хозяином дома. Затрапезный вид вызывает жалость, и ему дают старую, но прочную одежду из хозяйского гардероба. Напарник ждет где-нибудь за углом с мешком, в который набивается добыча. Вечером она продается старьевщикам, специально для этой цели собиравшимся у дверей ночлежек [5. с. 75-88, 96, 193, 200-201].

Итак, по трем основным стратификационным критериям - экономическому, политическому и профессиональному, которые упомянуты выше, слой нищих характеризуется отрицательно, он просто паразитирует на том, что у других, верхних слоев, по этим же критериям есть тот или иной социальный вес. Остановившись внизу на долгое время, нищие практически делались жертвами личностной деградации. Об этом в русской науке немало работ. Крупный исследователь бедности и нищих Д.А. Дриль вынес в этом отношении суровый приговор: "Они еще достаточно стойки, чтобы влачить жалкое физическое и нравственное существование подонков и отребья общества, но уже не имеют достаточных сил для борьбы за лучшее существование" [6. с. 27]. Но, оказывается, были среди них отдельные люди, которые пытались сопротивляться судьбе. Традиционно нищие составлялись из лиц, которые не могли или не хотели работать. "Трудовую мотивацию" последних хорошо иллюстрируют слова одного босняка: "Чем себя ломать на работе-то, мы лучше постреляем.... по крайней мере спина не будет болеть. Да и мозолей на руках не будет... Мы люди вольные!" [5, с. 96]. И все же встречались среди них те, у кого сохранились остатки трудовой этики. Они страстно хотели найти работу и оставить постылое попрошайничество, покинуть дно. Впрочем, путь "наверх" был хилым ручейком. А. Бахтиаров назвал этот маргинальный слой столичных нищих "трудюльбами". Они постоянно ходили на рынки труда, бывшие в любых больших городах (в столице - Никольский рынок, в Москве - Хитров рынок и т.п.). Несмотря на ужасные условия найма, они соглашались на любую поденную работу - убирать снег с трамвайных путей и крыш, грузить дрова, косить траву, выступать факельщиками в похоронных процессиях и т.п. Летом этот тип маргиналов объединялся в лесные артели, живя в шалашах, собирая и продавая горожанам ягоды, травы и грибы. Зима вновь гнала их в город, и они обращались к уничижительному промыслу. Собирали подаение они "осторожно" и в минимальных размерах - "только на кров и дневное пропитание" [3, с. 8-9; 6, с. 18].

Резкая характеристика, данная Д. Дрилем, легко применима и к другим социальным ролям нищих - прежде всего сексуальным и семейным. Исследователи выявили, что если в этой среде традиционная нуклеарная семья и сохранилась (когда нищенствовали всей семьей), то только в полуразрушенном виде. Сексуальную жизнь начинали рано, отношения были беспорядочными, процветало сожителство со многими партнерами. Здорового потомства не было. Условия же социализации незаконнорожденных детей были таковы, что они составляли 2/3 нищенствующей детворы и малолетних преступников, т.е. нищета самовоспроизводила нищету [3, с. 17]. Нищенство не только было связано с другими видами социального зла — проституцией, хулиганством и воровством, но и часто сливалось с ними, так что эти явления как бы "причиняли" друг друга [3. с. 10, 17; 8, с. 38-39]. В печати приводились страшные факты воровства детей, особенно с физическими дефектами, но чаще всего их брали в наем за незначительную оплату у бедных родителей, воспитывали "вечными побоями" и не возвращали домой. Иногда детей, даже собственных, сознательно калечили.

Исследователи нравов нищих и босняков отмечали, что многие из них проповедовали философию "вольных людей", этаких нонконформистов, "вытряхнутых" из общества и поэтому не живущих его заповедями и нормами. Но обездоленные и глубоко несчаст-

ные люди не могут быть подлинно свободными! Более того, научные исследования начала XX века открыли в нищенской стихии любопытные формы социальной организации, в уродливой форме копирующие организации других страт и всего общества. Было выявлено, что огромное количество нищих находилось в полной кабале и часто нищенствовали не сами по себе, а на хозяина, который их безжалостно эксплуатировал и цинично издевался над добросердечием и милосердием им подающих. Одни из них содержали дешевые трактиры, ночлежные приюты, угловые квартиры и буквально обирали ютящихся вокруг нищих. Это были примитивные мироеды. Исследования, проведенные специалистами из городских попечительств, показали ужасающий быт коечно-коморочных квартир, не заболеть в которых было физически невозможно, а прожить долго будучи больным тем более нельзя. Особенно безысходным было положение детей и женщин. Дешевый алкоголь оставался единственным средством иллюзорного утешения [6, 9-11]. Другой тип хозяев выступал в более сложной социальной роли подрядчика-организатора нищенского промысла, он подсказывал место и тип успешного сбора, обучал и костюмировал новичков, обеспечивал ночлег, некоторые ходовые места как личную собственность сдавал в аренду. Все было как в настоящем коммерческом предприятии: "и наем, и расчеты, и стачки, и стычки, и взятки, и дележка, и купля, и продажа" [3, с. 19; 4, с. 162]. За услуги подрядчик забирал себе 4/5 вырученных денег. Если же нищий бунтовал, то его либо жестоко избивали, либо по некоторому "странному" стечению обстоятельств он вдруг попадал в полицейский участок. Подобная форма организации деятельности нищих явно носила криминальный характер. Кроме того, сами нищие эпизодически прибегали к воровству. Но по многочисленным тюремным наблюдениям, социальная дистанция между нищими и настоящими уголовниками была большой. Нищие становились их полнейшими рабами, и, находясь на худшем довольствии, безропотно выполняли самые грязные и тяжелые работы по камере. Итак, они оставались бесправными париями как в тюрьме, так и на воле. Проклятие отчуждения от общества отмечало их судьбу прочно [5, с. 128].

Исследователи давно обратили внимание на социальную гетерогенность слоя нищих, в составе которого обнаруживались бывшие дворяне, разорившиеся купцы и мещане, фабричные рабочие, потерявшие место. Но основной массив нищих в земледельческой России составляли выходцы из деревни. Лица дворянского звания получали в городских приютах, ночлежках и пересылочной тюрьме более удобное помещение, рассчитанное на состав до 15 человек. Им выдавались бесплатные казенные бумага и чернила и разрешалось держать кровати открытыми и отдыхать на них днем; на "черной" половине кровати крепились днем к стене. На каждую кровать полагались тюфяк, набитый соломой, серое байковое одеяло и подушка. Удобства были особенно ценными, учитывая скверное состояние здоровья подавляющей части нищих. Но этот отблеск старой привилегированной жизни не отменял общей деклассированности нищих как столичных, так и провинциальных [5, с. 6, 25].

В чем же причины появления, существования и функционирования нищенства? И какая типология нищих на этой основе предлагалась нашими социологами?

Исследователи вычленяли самые разнообразные причины превращения русского бедняка в нищего в каждом конкретном случае, но объединяли их в три большие общие группы: внешние, стихийно-природные (пожары, неурожай, недород или падеж скота и т.п.); внутренние, индивидуально-личностные (неизлечимая болезнь, умственные или физические дефекты, возрастная дряхлость и т.п.) и социальные (формы организации общественной жизни). Многие подчеркивали, что для социологии самыми важными являются последние, ибо два первых вида причин обычно опосредуются ими и составляют при определенных условиях только возможность обеднения и нищеты [8, с. 3-4]. Основоположник русской земской статистики В.И. Орлов, описывая результаты своего обследования деревень двадцати пяти волостей Московской губернии, подчеркнул, что обнищание в девяти случаях из ста имело в них место по причинам второго вида [12]. Через пятнадцать лет подобное же обследование в столичной

губернии обнаружило уже сорок один случай из ста [13]. Но ведь и в "верхних" слоях общества было немало дегенеративных или с физическими недостатками лиц (слепые, горбатые, хромые и т.п.), но за редкими исключениями они почти не попадали в нищие, а у бедных это был почти автоматический процесс. Страшное воздействие стихийных несчастий обрекало людей на опускание на "дно" только при отсутствии надежной системы взаимопомощи пострадавшим. Этим объяснялась определенная географическая плотность нищих по стране: в районах с большим населением лютеранского и мусульманского вероисповеданий, в черте оседлости или с сильными остатками родового строя (на Кавказе), где взаимопомощь была более развита, нищих было мало, в основном — выходцы из других районов. Так, хотя нищих почти не было в самой Армении, но армяне-нищие встречались в других районах России. В этническом отношении только цыгане демонстрировали коллективную и стойкую привязанность к попрошайничеству как важной составной части их образа жизни.

Из сказанного следует, что основное внимание относительно причин бедности и нищеты отечественные социологи уделяли именно социальным их причинам. "Литература вопроса о социальных причинах нищеты почти неисчерпаема!" - отмечал в этой связи Е. Максимов, сам немало приложивший к сему руку [8, с. 21]. Социальные причины сложно дифференцировались на: экономические (имущественная недостаточность, отсутствие сбережений, малоземелье, безработица), юридические (слабость правовой защиты населения), культурные (древний обычай сводить народное призрение к раздаче мелкой милостыни, малограмотность масс и т.п.), административные (неэффективная система государственного призрения) и др. Все они переплетались в мощный взаимодетерминирующий узел зависимостей, поэтому более плодотворна не столько попытка выяснения и перечисления разнообразных причин нищеты, сколько ее типологическая характеристика.

В отечественной дореволюционной социологии всегда были сильны тенденции психологизации общественного бытия. Не прошла эта тенденция и мимо интересующего нас вопроса. Так, А. Бахтияров, которого поддержали другие социологи, построил типологию нищих на соединении следующих субъективных и объективных моментов: во-первых, на мотивах нищенской деятельности, как они осознаются самими побирающимися; во-вторых, на личном мотивационном отношении к нищим того, кто им подает, ибо без жалости их побирушество не имело бы места; в-третьих, на возможных практических мерах блокировки и уничтожения нищенства на основании двух предыдущих мотивационных установок. Исходя из этого замысла, он обнаружил шесть разных групп нищих, составляющих сложную стратификационную композицию этого слоя в русском обществе на рубеже XIX-XX веков:

1. Лица "злой воли", "притворного лукавства", вполне сознающие безнравственность своей деятельности, но продолжавшие бы заниматься обманным промыслом даже при возможности жить честно. О количественной пропорции этой группы в основной массе нищих исследователи высказывали разное мнение, отдавая ей от 1/3 до 1/2 всего состава. Это было подчас сложно выяснить, ибо если мнимого хромого или псевдогорбатого легко разоблачали при медицинском осмотре в участке, то с мнимым погорельцем было сложнее; он мог иметь подтверждение о якобы случившемся с ним несчастии, полученное у старосты или волостного писаря за определенную мзду. Естественная реакция людей на этих фальшивых страдальцев - подозрительность и брезгливость. И. Прыжов обобщил эту реакцию: "русский народ вообще враг нищенства и побирушества" [14, с. 36]. Меры профилактики этой группы только карательные [3, с. 44].

2. Лица, не вполне сознающие аморальность обмана и занимавшиеся им "бессознательно" и добровольно. Они продолжали бы им заниматься при объективной возможности жить иначе. Конечно, к этим людям наше отношение негативное, как и к первой группе, но не абсолютно. Вполне вероятно, что мягкая система мер принудительного труда, моральное воспитание, пробуждение души, простое человеческое внимание способны вырвать их из среды.

3. Лица, не сознающие позора нищенства и обмана, с ним связанного, вследствие своего "воспитания" улицей, нравственной деформации и физического вырождения. Часто это нищие вторых, а то и третьих поколений, подчас калеки. Для этих людей "детей Хитрова рынка" нужны не тюрьмы, а богоугодные заведения, приюты, лечебницы.

4. Лица, которые побирались по постороннему внешнему давлению как ситуационному (неудачи, драмы, скверные обстоятельства жизни), так и персональному (например, глава семьи принуждал жену и детей собирать подаяние или подрядчик эксплуатировал наемных нищих и т.п.). Как правило, подобные люди болезненно осознают пагубность своего положения. Эти страдальцы по нужде не могут не вызвать человеческого сочувствия и соболезнования. Им необходимо помочь "встать на ноги" и лучше всего серией организационных мер - личных, государственных, общественных.

5. Лица, руководствующиеся религиозными побуждениями. Сбор милостыни расценивается ими как дело "угодное Богу". Среди них выделяются паломники в святые места и бывшие состоятельные люди, решившие жить по правилу: "раздай имущество свое и по Мне гряди". У верующих этот тип нищих встречал поддержку и сочувственное понимание, особенно у единоверцев. Но лютеране резко протестовали против связи церкви и нищенства. Нищенство по религиозным мотивам, по мнению Бахтиярова, можно уничтожить, только создав иные условия народной жизни и быта, подняв уровень общего образования и самосознания народа, в частности, распространения убеждения, что значение молитвы зависит не только от места ее произнесения, а - главным образом - от искренности ее и силы.

6. Лица, глубоко убежденные в своем жизненном праве на подаяние, не замечающие, что оно несообразно с человеческим достоинством. Обычно это глубокие старики и старушки, бившиеся всю жизнь, как рыба об лед, и надеющиеся под конец получить заслуженный своеобразный пансион и отдых от забот и труда. И они его действительно заслужили, но не в такой же убогой форме, только демонстрирующей нерациональное и несправедливое устройство общества, которое не хочет заниматься проблемой обеспечения старости собственных граждан [5, с. 64-66, 87]. Итак, Бахтияров совершенно справедливо подчеркнул, что нищенство имеет характер проблемы не просто социально-экономической, но и в мотивационном разрезе социально-психологической и культурной. Последнее потребовало особого рассмотрения.

Коллективная психология и субкультура нищих

Социологи выяснили, что социальная гетерогенность слоя нищих элиминировалась, по крайней мере для его постоянного ядра, общей субкультурой, которая была относительно герметична и отгорожена от общепринятых культурных ценностей и норм. Эта субкультура включала различные компоненты - жаргон, традиции, трущобный фольклор, песни, кое-какие материальные атрибуты экипировки - грим, костюмы, поддельные горбы и т.п. Она имела основание в виде особой коллективной психологии, которая характеризовалась противоречивыми, внутренне несогласованными установками: внешний кураж, удаль, завышенные амбиции среди своих и нереализованные надежды, страх жизни, глубокая скорбь наедине с самим собой; жажда свободы, независимости (самооценка: "мы - вольные птицы", "сами по себе живем") и фактическая униженность, беспомощность; ощущение социальной несправедливости и нежелание изменить ситуацию, склонность к паразитизму и иждивенчеству.

Из разговора между нищими в ночлежке, невольно подслушанного исследователем, вытекало такое мировоззренческое объяснение собственного бродяжничества и нищенства: "Счастья нет на земле, а есть покой и движение... Я избрал последнее, а потому странствую по белу свету, пока ноги таскают... Все движется на свете, и солнце, и звезды, и земля, на которой мы живем. А камень лежит на месте и обрастает мхом". "Диогены подневольные", - подумалось наблюдателю. Далее он описывает "философию босяков о самих себе и об обществе, в котором они живут",

воспроизведя сказанные ему с апломбом слова одного из них: "сами живем - казне дохода не даем; сами умрем - и казна нас похоронит" [5, с. 17, 71, 74]. Но вольность их была негативной, точнее - нетворческого плана. Свобода, заставляющая заниматься попрошайничеством, вовсе не свобода, а нечто противоположное. Вопреки русской поговорке "бедность - не порок" ее следует признать чем-то более губительным для полнокровного личностного развития, чем многие так называемые пороки. Некоторые нищие признавались А. Бахтиарову: мы люди конченные, "от нас пользы ждать, что от козла молока и шерсти". Но они были бесполезны не только для других, но и в отношении самих к себе, ибо не способны были на самопомощь, хотя именно с нее начинается любое спасение, а потом идет взаимопомощь и помощь других. Нищенство принижало человеческое достоинство, как бы ни хорохорились нищие насчет своей "свободы" от общества, это прежде всего отражалось на их лицах, которые всегда приобретали жалкий "просительный характер". Сотрудники Комитетов нищеты обращали внимание на то, что подавляющая часть их клиентуры выделяется забитым видом, чрезмерной худобой и апатичным, безжизненным выражением лица - "верным признаком вырождения". С этими пагубными издержками своих социальных ролей нищие прагматически смирились: "чем человек безобразнее, тем господа больше подают" [5, с. 107-108; 15].

При постоянном и бесконечном напряжении всех сил на одном приобретении и сбережении вырабатывался своеобразный социальный характер уродливого скопидомства, закрепляемый сведением всех своих личностных потребностей до последнего минимума. Наиболее полно он развивался у женщин, которые, накопив денег, иногда давали их под проценты, постоянно увеличивая капитал. В отечественной литературе мне не попадались сообщения о позитивном вкладе этих капиталов в некое "дело" или в воспитание собственных детей и т.п., иногда только мелькали известия о скандально богатых свадьбах среди нищих, т.е. капиталы либо эпизодически престижно потреблялись, либо тупоумно накапливались, что выявлялось лишь после смерти их владельца. Даже став материально богаче подавляющего большинства подлинных нищих, они как личности продолжали оставаться на обочине жизни, эмоционально и образом жизни, и умозрением оставались частью "дна". Мужчины-нищие, как правило, все доходы пропивали, но находили в себе силы для некой солидарности, проявляя "дух товарищества", в силу которого они часто мстили за напрасно обиженного.

Обреченность и отчуждение нищих от враждебного социального мира находили себе место в создании особого языка, понятного только им. Жаргон выполнял двойную функцию - создавал референтную группу, ибо только знание его делало человека "своим", и подчеркивал (усиливал) социальную изоляцию, зримо проводя границу двух миров - официального и "дна". Ситуация перекликалась с уголовным творчеством, часть терминов и песен вообще были общими. Встречались и региональные вариации — московские нищие употребляли словечки, не известные киевским или ростовским, и наоборот. Но был и общепринятый жаргон. Подавляющую часть его составляли смысловые перевертыши: городской - "фараон", поплатиться за нищенство или воровство - "сгореть", переодетый полицейский - "паук", табак - "смолка" (отсюда курить - "смолить"), просить подаяние - "звонить", "стрелять", часы - "бочонок", пятачок - "пискарь". сидеть в заключении - "париться", ботинки - "коты", спички - "зайчики", деньги - "сор", игра в карты - "чтение святцев", паспорт - "бирка", "глаза", кошелек - "шмель", нары - "шхеры", дворник (извечный враг нищих!) - "Сидор", сопровождаться конвоем — "идти со свечами". Но были и подлинные филологические изобретения, своеобразное эсперанто нищих. Так, "лататы задать" или "нарезать" означало скрыться от погони, "куклим" - купленный чужой паспорт, "напехтериться" -наесться, "этап ломать" - быть высланным к месту прописки, "шмон" - обыск, но "шмонало" - карманный вор, сума на боку - "боковик", за спиной - "горбовик", пребывание в ночлежке - "гоп" (отсюда производное - "гопник"), просить подаяние - "грызть окно", "калить". Говорили в любопытном ритме, быстро тараторя, проглатывая общеупотребительные слова и медленно произнося изобретенные. Непосвящен-

ным нельзя было понять о чем идет речь. Не случайно в качестве одной из мер борьбы с нищетой предлагалось создать отряды полиции, профессиональную именно на нищих [7, с. 126]. Не поскупились обитатели "дна" и на самоаттестации- "праздное сословие", "нищая братия", "босая команда", "золотая рота", «нищоброды», упомянутые уже "работнички рукопротяжной фабрики". Даже вошедший в русский литературный обиход "казанский сирота" из этого ряда.

В начале XX века в столице было несколько частных ночлежных домов (Макокина, Пономарева, Кобаева и др.) и один думский, построенный с учетом гигиенических требований к общежитию, но только на 162 человека; ночлежка Макокина (прозванного нищими "графом Морковкиным") была на тысячу мест. При думской ночлежке была дешевая столовая, открытая весь день и переполненная голытьбой, особенно в морозные дни, своего рода "клуб нищих и босяков", где обсуждались многие "технические" проблемы промысла, городские новости, судили провинившихся товарищей, слушали рассказы о вояжах в другие города и пели свои песни. Тут можно было услышать и ныне прочно забытые хулиганские частушки, и достаточно известную и исполняемую, хотя в несколько облагороженном виде, "Песнь бродяги": "Бродяга, судьбу проклиная,..". Бахтиаров описывал популярного среди столичных нищих начала XX века поэта-босяка Ивана Бурду, многие поэмы-песни которого из быта "дна" широко расходились там же в рукописных листках и исполнялись в ночлежках и "малинах": "Песнь вора", "Серая свита", "Вяземские громы", "Песнь арестанта", "О палатах графа Морковкина" [5, с. 89 и сл.]. Приводимые исследователями тексты песен оставляли с содержательной стороны (о литературной форме не говорим) двойственное впечатление - бахвальство и завышенная оценка собственной хитрости и ловкости сочетались с тоской по другой жизни и сентиментальной жалостью к собственной судьбе. Сходные синдромы социальной психологии нищенства и "дна" зафиксировали многие отечественные писатели - М. Горький, В. Винниченко, В. Короленко, В. Гиляровский и другие. Вероятно, эта психологическая двойственность отражала положение нищих в социальном пространстве - воспоминание о предыдущей жизни, желание покинуть "дно" и горькое осознание невозможности этого. Тут встают вопросы: если социальная стратификация - историческая неизбежность, то разве обязательно беднеющие слои доводить до нищеты? Кто ответственен за это? Что можно сделать профилактически эффективно? Ответы на эти важнейшие вопросы, не потерявшие актуальности и в наши дни, излагались в множестве научных работ и нашли отражение в административной практике тех лет. Но это уже тема другой работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голосенко И. Нищета и нищенство //Российская провинция. 1995. № 2.
2. Вопрос о нищенстве. Внутренняя хроника // Неделя. 1879. № 7-8.
3. Линева Д.А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб.: Тип. В. Демакова, 1891.
4. Максимов Е. Бродячая Русь. Христа ради. СПб.: Т-во "Общественная польза". 1877.
5. Бахтиаров А. Босяки. Очерки с натуры. СПб.: Изд. Ф.И. Митюрникова, 1903.
6. Дриль Д. Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. СПб.: Тип. Я. А. Канторовича, 1899.
7. Левинстим А.А. Профессиональное нищенство, его причины и формы. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1901.
8. Максимов Е.Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб.: Тип. В. Киршбаума. 1901.
9. Воронов М.С., Левитов А.И. Московские норы и трущобы. Т. 1.2. СПб.: Тип. А.И. Котонина, 1868.
10. Горностаев И.Ф. Дети рабочих и городское попечительство о бедных в Москве. М.: Т-во "Книжное дело", 1899.
11. Кому помогают городские попечительства. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1897.
12. Земство. 1881. №41.
13. Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии 1897 г. Вып. III. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1897.
14. Прыжов И. Нищие на Святой Руси. Казань: Молодые силы, 1913.
15. Новобергский Н.Я. По пути к вырождению. Социально-гигиенические очерки. СПб.; Тип. А.М. Лассман, 1913.